

УДК: 81'42:81'22:821.161.1-31
DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248

СТРУКТУРА СЕМИОТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец»)

П.Ю. Повалко

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается время как важнейшая семиотическая и лингвопоэтическая категория художественного текста. На материале романа Александра Кабакова «Невозвращенец» анализируется структура темпоральной категории в совокупности ее семиотических измерений, а именно — семантики и прагматики. Методологическую основу анализа составляет семиотический подход к рассмотрению текстовой категории, который находит отражение в учете разнообразных контекстов, которые служат кодификации темпоральных характеристик художественного текста. Показывается, что содержание семантических полей, отражающих категорию времени романа, их пересечение и взаимодействие, а также прагматические отношения, основанные на авторских установках и читательской интерпретации, выстраивают многослойную, иерархизированную структуру темпоральности в художественном тексте.

При этом экспликация семантики художественного времени осуществляется прежде всего лексико-грамматическими и синтаксическими языковыми единицами, а для прагматики ключевым средством выражения становятся организация текста и контексты — авторского замысла, и читательского восприятия. Таким образом подчеркивается, что текстовое время шире, чем время в языке.

Полученные в ходе анализа материала результаты демонстрируют важность семиотического взгляда на исследования текстов литературных произведений. Представляется, что одновременное рассмотрение и семантики, и прагматики текста, их соотношения и взаимодействия позволяет преодолеть некоторую «узость» чисто грамматического взгляда при анализе такой сложной текстовой категории, как время. Учитывая лингвистические, философские, культурологические и социально-исторические контексты, исследователь расширяет границы анализа, увеличивает его подлинность и получает возможность раскрыть и интерпретировать все заложенные автором смыслы.

Ключевые слова: семантика, прагматика, категория времени, художественный текст, семиотический подход

ВВЕДЕНИЕ

Категория времени в романе, будучи семиотической по своей сути, обладает «глубинной структурой, основанной на семантике языковых единиц, которая устанавливает отношение знаков к объектам действительности, значение знаков, содержание, смысл и информацию единиц различного уровня» [Папина 2002: 13]. С другой стороны, структура категории определяется и прагматикой, то есть «отношением знаков к их интерпретаторам, к тем, кто продуцирует <...> и раскодирует знаки...» [там же]. Прагматический аспект определен самим назначением художественного текста, а именно — коммуникацией с читателем. Причем считая и семантику, и прагматику частями семиотики, учитывая при анализе контексты и интенции автора, мы добиваемся более полного лингвистического анализа художественного текста, добиваемся того, что «текст предстает перед нами не как

реализация сообщения на каком-либо одном языке, а как сложное устройство, хранящее многообразные коды, способное трансформировать получаемые сообщения и порождать новые, как информационный генератор, обладающий чертами интеллектуальной личности. В связи с этим меняется представление об отношении потребителя и текста. Вместо формулы «потребитель дешифрует текст» возможна более точная — «потребитель общается с текстом» [Лотман 2002: 162].

Отсюда исследовательская задача в рамках данной статьи: рассмотреть структуру текстовой категории времени в совокупности семиотических измерений и взаимодействие таких аспектов семиотики, как семантика и прагматика, на материале романа «Невозвращенец» (синтактика не входит в круг задач данного исследования). Частной задачей становится описание набора языковых средств репрезентации темпоральной категории, их значений, лексико-семантической организации и прагматических функций (связи авторского замысла и читательского восприятия).

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ТЕСТОВОГО ВРЕМЕНИ В РОМАНЕ А. КАБАКОВА «НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ»

В качестве материала выбран известный роман А. Кабакова «Невозвращенец». Написанный в непростой для России период грядущих перемен, он стал своего рода предсказанием, инвариантом развития событий, моделированием будущего страны. Семиотика времени связана с реальностью мироощущения советского народа в переломную эпоху конца 80-х годов. Общим для всех было предчувствие кардинальных перемен, ожидание социально-политических катастроф, возможной революции. Революция, по А. Кабакову, страшна тем, что после нее «жизнь искажается, уничтожается навсегда», утрачиваются человеческие ценности, сбиваются ориентиры. Автор, обращаясь к читательскому знанию и опыту проживания катастроф XX века, пишет роман-напоминание о том, что время циклично, но амплитуда цикличности зависит от социума.

Новые контексты, появляющиеся в сегодняшнем мире, иначе расставляют акценты в прочтении романа, привносят дополнительную детализацию, формируют уточненное содержание как авторской позиции, так и читательской репрезентации. Все это касается и темпоральной категории. Более того, манипуляции со временем становятся в романе сюжетобразующим фактором. Герой-экстраполятор перемещается не в пространстве, а во времени, меняя «настоящее» на катастрофическое «будущее», лишенное (по антиутопической традиции) времени: «Часы были изъяты Комиссией» [Кабаков 1990: 29]. Однако знание точного времени необходимо герою в качестве ориентира, дающего уверенность в свободе выбора и вольном распоряжении собственной жизнью.

Рассматривать структуру категории времени мы будем, опираясь на представление М.М. Бахтина о художественном времени как составляющей хронотопа произведения, как о «четвертом измерении» художественного мира [Бахтин 1975]. Такой подход диктует деление времени текста на действительность героя (фабульное время, фон художественных событий, моделирование реальности в соответствии с авторским замыслом) и на действительность субъекта изображения (субъективное время).

Семантика фабульного времени

Репрезентация фабульного художественного времени в литературном тексте основана на глагольных формах. Ю.С. Маслов в своей статье дает следующее определение времени: это «грамматическая категория глагола, выражающая отношение времени описываемой в речи ситуации к моменту произнесения высказывания (то есть к моменту речи или отрезку времени, который в языке обозначается словом «сейчас»), который принимается за точку отсчета (абсолютное время) или отношение времени к другой относительной временной точке отсчета (относительное время)» [Маслов 1990: 89]. То есть понятие сюжетного времени в художественном тексте выражено глагольной категорией, иллюстрирующей объективное время и ситуативную локализацию события или факта, о котором говорится в предложении или фрагменте текста. Будучи грамматической категорией, время ограничивает определенные события или характеристику фактов, соотнося их «с определенной точкой отсчета, которая ситуационно совпадает с моментом речевого акта» [Потапова 2009: 4].

С точки зрения семантики смысловое ядро лексико-семантического поля времени составляют глагольные формы со значением событийности, действия, движения, изменения: *двинулся, брели, кинулся, шел, свернули, подошли* и т.д.

Я выключил приемник и двинулся по Тверской [Кабаков 1990: 9]; *Корабли шли под нейтральным польским флагом* [там же]; *Мы прошли близко* [Кабаков 1990: 13]; *Мы уже шли по Садовой* [Кабаков 1990: 14]; *Мы вышли на Страстную* [Кабаков 1990: 41]; *Я вильнул за угол, кинулся к знакомой двери* [Кабаков 1990: 10]; *Мы свернули на Бронную* [Кабаков 1990: 25]; *Он запер двери и побежал к танку* [Кабаков 1990: 24]; *брели люди* [Кабаков 1990: 9]; *и мы выплыли на улицу и длинными, все еще подводными прыжками начал уходить вглубь* [Кабаков 1990: 28] и т.д.

Глаголы такого типа занимают центральное место в «будущей» части романа, что на прагматическом уровне интерпретируется как описание реализации героем ключевого мотива произведения — а именно движения, бегства.

В приядерную группу лексики, репрезентирующей время, входят семантически оппозиционные глаголы, частотные для описания времени «настоящего» с общей категориальной семой «действие с отсутствием движения». Это такие одноактные глаголы, как: *сказал, увидел, сообщил, подумал, воскликнул, ужаснулся, рассмеялся, согласился, возразил, заметил, вставил* и мн. др.:

Очень надо! — радостно сообщил Сергей Иванович [Кабаков 1990: 19]; *Игорь Васильевич заткнулся и вдруг отчаянно захохотал* [Кабаков 1990: 6]; *Ну, при чем наш институт?* — возразил я [Кабаков 1990: 7]; *Ну, не только,* — коротко буркнул Сергей Иванович и даже вроде обиделся по-детски [там же]; *Но о чем же я могу написать?! — тут и я засмеялся* [Кабаков 1990: 8]; *Ну, — замылся я, — сами понимаете... интересно, конечно...* [Кабаков 1990: 19]; *Я думаю!* — немедленно перебил Игорь Васильевич [Кабаков 1990: 20]; *В ушедших временах, — уточнил Сергей Иванович* [Кабаков 1990: 21]; *Я его вроде и раньше видел...* — мямлил я [Кабаков 1990: 39].

То есть для времени «настоящего» характерно отсутствие событий, все действие заключено в диалогах, событийность находится в области сознания главного героя, который осознает себя и принимает решения в ходе разговоров.

Прагматические отношения проявлены особенно ярко на хронологической оси: прошлое — настоящее — будущее. Текст романа ретроспективен. Автор направляет движение времени в прошлое, будущее время актуализировано слабо.

Так, отсутствуют традиционные для репрезентации настоящего времени наречия, обозначающие временной ориентир события после момента речи, прилагательные типа «будущий» и пр.

Кроме того, особенностью романа становится использование глагольных форм будущего времени вместе с маркерами времени настоящего, прежде всего наречиями, обозначающими временной ориентир, совпадающий с моментом события:

И шо ж сегодня на той площади будет [Кабаков 1990: 15]; через 15 минут здесь будет комиссия [Кабаков 1990: 13]; у нас уже нет и не будет времени [Кабаков 1990: 41]; дело сегодня предстояло рутинное [Кабаков 1990: 23]; сейчас они пойдут по домам [Кабаков 1990: 13]; сейчас выьем по рюмке коньяку [Кабаков 1990: 30]; сейчас объявят [Кабаков 1990: 43].

Как всякая антиутопия, «Невозвращенец» является по авторскому замыслу попыткой предсказать вектор, продемонстрировать возможность описываемого развития событий, заглянуть в возможное будущее. С другой стороны, время в антиутопии — «время расплаты за грехи воплощенной утопии, причем воплощенной в прошлом» [Ланин 1993: 161]. Такое время не предполагает будущего, поэтому и у антиутопического мира будущего нет. Герой живет сейчас, предполагая только ближайший шаг.

Уточняют значения фабульного времени наречия и наречные группы, выполняющие роль интенсификаторов. Частотными в романе являются наречия и наречные конструкции — показатели внезапности действия, выраженные наречиями: *тут же, немедленно, быстро, мгновенно* и т.д.:

Игорь Васильевич заткнулся и вдруг отчаянно захохотал [Кабаков 1990: 6]; и вдруг над двором поплыло пение [Кабаков 1990: 27]; тут мы все втроем дружно закурили; на столик тут же водрузилась пепельница [Кабаков 1990: 19]; тут же сел и второй [Кабаков 1990: 5]; половина из них тут же унеслась в решетку [Кабаков 1990: 44]; потряс мою руку и немедленно усадил в кресло [Кабаков 1990: 19]; спутница моя немедленно выпросталась из моих объятий [Кабаков 1990: 26].

Примечательно, что употребление подобных наречий характерно и для «будущей», и для «настоящей» части романа. Внезапность действия (вдруг, неожиданно и пр.) характерно для времени, которое усугубляет несвободу, так как решения не исходят от героя. Подобное время становится «случайным», в котором человек пассивен, с ним что-то случается, сам он лишен инициативы.

ИСТОРИКО-СОЦИАЛЬНЫЙ ФОН СОБЫТИЙ

На периферии лексико-семантического поля фабульного времени расположена лексика, эксплицирующая исторический фон событий, через коннотативные значения определяющая тот или иной временной исторический отрезок, социальный контекст. Историческое время в художественном тексте рассматривается как

характеристика смены эпох, поколений, событий и явлений в жизни общества, то есть является темпоральным выражением социального. Кодификация исторического времени осуществляется через детали быта, свойственные описываемому периоду, особенности идеологии, реалии культурной и социальной жизни, специфику взаимодействия героев и среды.

С точки зрения прагматики, то есть авторского замысла, заложенных в текст смыслов, лексика, репрезентирующая социально-историческое время в романе, является ключевой.

Прагматика историко-социального времени романа выстраивается по-разному для части «настоящего» и части «будущего».

«Настоящее» время романа — время позднесоветское, приметам которого становятся характерные описания всех казенных мест того периода. Используются следующие номинации: *кадры* (название отдела); *присутственные стены*; *вечно мигающие полусломанные лампы дневного света*; *архаические ковровые дорожки*; *вид заштатной конторы*; *сортиры выдающиеся даже по отечественным меркам* [Кабаков 1990: 3—5].

Языковые единицы, формирующий данный семантический ряд, обладают общей категориальной семой «относящееся к советскому учреждению». Помимо этого, коннотативное значение данного ряда однозначно описывает исторический период, равный советскому времени.

Кроме того, однозначной интерпретации семиотики описываемого исторического периода служат речевые обороты, характерные для канцерного стиля советской эпохи.

Известно, что канцелярит изучается как явление историко-культурное: проводится параллель между распространением канцелярской речи за пределы официально-делового стиля и идеологией советского государства [Булаховский 1975; Кожина 2008]. В современной лингвистике выделяются такие формальные особенности канцелярита, как: номинализация (замена глагола отглагольными с существительными, причастиями, составными глагольно-именными сочетаниями), замена простых оборотов и слов многословными сочетаниями, лексические штампы, отыменные предлоги [Земская 2000; Романенко 2000].

В романе для кодификации исторического периода используются большая часть из отмеченных особенностей канцелярского стиля:

Номинализация: *продолжается выдвижение делегатов* [Кабаков 1990: 18].

Многословность: *начал работу Первый Чрезвычайный Учредительный Съезд Российского Союза Демократических Партий* [Кабаков 1990: 9]; *в работе съезда принимают участие делегаты* [там же].

Лексические штампы: *мировая общественность*; *горячо поддерживает*; *миролюбивые усилия* [там же].

Время «будущего» — это, прежде всего, время гражданской войны. Воюют православные «витязи» с некрещеными, анархисты с металлистами, комиссия народной безопасности с жильцами домов, боевики Партии Социального Распределения — с обитателями Замоскворечья и Измайлова, исламисты с немусульманами, словом — все со всеми.

Идентификация времени «будущего» в качестве времени военного осуществляется благодаря частотному использованию лексических единиц с общей категориальной семей — «война»:

все они были в военном [Кабаков 1990: 12]; *стреляют автоматчики* [Кабаков 1990: 30]; *взрыв гранаты* [Кабаков 1990: 12]; *грохнул взрыв* [Кабаков 1990: 10]; *танки* [Кабаков 1990: 42]; *стучали очереди* [Кабаков 1990: 9]; *бил крупнокалиберный с бэтээра* [Кабаков 1990: 9]; *«калашиников»* [там же]; *пулемет* [Кабаков 1990: 12]; *ударил короткая очередь* [Кабаков 1990: 12]; *два солдата* [Кабаков 1990: 24]; *длинный нож-штык* [Кабаков 1990: 26].

Все данные лексические единицы реализуют сигматическую функцию, а именно: напрямую указывают на происходящие военные действия.

Далее. Время «будущего» интерпретируется как время голодное благодаря прямому употреблению слов с семантикой «голод, недостаток еды». В этом случае существительное «голод» и производные прилагательные и глаголы служат для обозначения социального бедствия, локализованного во времени:

голодающие Ярославль и Владимир [Кабаков 1990: 32]; *голодал он уже не меньше года* [Кабаков 1990: 34]; *голод и обций ужас* [Кабаков 1990: 36].

Здесь используется прямое, денотативное значение лексических единиц.

Кроме того, голодное время эксплицируется денотативными значениями лексических единиц и выражений, которые отсылают к традиционным обозначениям голода как социального состояния:

возможность кормиться по талонам [Кабаков 1990: 16]; *хлебный паек* [Кабаков 1990: 15]; *он положил возле каждого прибора по куску — огромному, граммов на сто! — настоящего хлеба* [Кабаков 1990: 31].

Здесь языковые единицы, реализуя прагматическую функцию знаков, выступают в качестве описания социально-исторической действительности, соотносенной с социальными бедствиями.

Время романа «Невозвращенец» соотносится с эпохой советской истории, когда судьбы граждан государства были полностью в руках власти, когда человек не мог чувствовать свою защищенность вне зависимости от своего положения и достатка, когда роковые решения могли приниматься и реализовываться без суда.

Узнаваемыми маркерами становятся лексические единицы, которыми описывают сотрудников органов внутренней безопасности и их деятельность:

люди в серой полицейской форме, люди в штатских куртках [Кабаков 1990: 13], *трое в хороших серых пальто и меховых шапках* [Кабаков 1990: 23], *«воронки» по ночам ездят* [Кабаков 1990: 37], *черная «Волга»* [Кабаков 1990: 13].

Каждая из этих единиц в своем денотативном значении не раскрывает суть описываемого явления, и только встраиваясь в ряд, семантически преобразуется и приобретает коннотативное значение.

В тексте романа проявлены и другие знаки историко-социального времени, однако для задач данного исследования оправдано будет ограничиться приведенными примерами.

КАЛЕНДАРНОЕ ВРЕМЯ

Моделируя художественную реальность, автор неизбежно задает параметры физического времени, то есть времени календарного. Календарное время существует в сознании человека как объективно представленное, оно составляет чистую длительность, которая измеряет изменения в космосе, природе, человеческой жизни. Как замечает М.А. Барг, «календарное время непрерывно», оно «течет равномерно, ритмично, ему неизвестны замедления и ускорения», календарное время «позволяет нам упорядочить происходящее во времени — события следуют одно за другим», оно «кумулятивно и абсолютно, однократно и ассиметрично, т.е. течет строго однонаправленно» [Барг 1984: 66—67].

С другой стороны, календарное время, отражая сменяемость природных явлений и называя природные циклы, само становится цикличным. Е.С. Яковлева дает следующую дефиницию цикличности: «...время как последовательность повторяющихся однотипных событий» [Яковлева 1994: 73].

Центром семантического поля календарного времени становятся наименования единиц суточного и сезонного времени: времен года, месяцев, частей суток и образованных от них прилагательных:

зима [Кабаков 1990: 32], *зимняя окраска танка* [Кабаков 1990: 43]; *ноябрьский воздух* [Кабаков 1990: 28]; *ночь* [Кабаков 1990: 15, 18, 32], *ночные поезда* [Кабаков 1990: 32]; *ночной свет* [Кабаков 1990: 29]; *на все утро* [Кабаков 1990: 18]; *московское время — ноль часов три минуты* [Кабаков 1990: 9]; *было без четверти два* [Кабаков 1990: 15]; *ровно в половине восьмого* [Кабаков 1990: 43].

К центру семантического поля тяготеют слова и выражения, относящиеся по смыслу к понятиям определенного цикла: *ледяной ветер* [Кабаков 1990: 9]; *ледяная ночь* [Кабаков 1990: 10]; *мороз* [Кабаков 1990: 17]; *иней* [там же]; *лютый холод* [Кабаков 1990: 41]; *холодный воздух*; *сугробы* [Кабаков 1990: 13]; *лупило солнце* [Кабаков 1990: 38]; *жара туманила перспективу* [Кабаков 1990: 41] и пр.

Метафоры, основанные на свойствах и характеристиках типичных сезонных явлений, составляют периферию данного семантического поля: *белые струи* [Кабаков 1990: 9], *белые змеи* [Кабаков 1990: 25], *серебряные нити* [Кабаков 1990: 9] — о снеге.

Прагматика календарного времени проявлена на уровне сюжетном, на уровне организации текста: характеристики физического времени в «настоящей» и «будущей» части романа находятся в оппозиционных отношениях (лето, день — для настоящего, зима, ночь — для будущего) и означивают важность осуществляемого героем выбора: символическому комфорту он предпочитает тяжелые условия зимнего мороза, тьмы холодной ночи.

На оси линейного времени представлена хронология жизни человека, биографическое время. Биографическое время соотносится с раскрытием характера героя, его становлением и ростом, то есть с «образом человека, проходящего свой жизненный путь» [Бахтин 1975: 281], становится мерой жизненного процесса.

Здесь ядро составляет прилагательное «молодой», характеризующее оппонентов героя, людей «из редакции», и его коллег:

Были два совсем молодых существа [Кабаков 1990: 33]; Хитрости и интриги давно побледнели рядом с элегантным людоедством моих молодых и ученых коллег [Кабаков 1990: 4]; А это вот, прошу любить и жаловать, молодой наш товарищ [Кабаков 1990: 5]; Сергей Иванович, его и без отчества можно, молодой еще, — сказал, сделав серьезное лицо, молодой Сергей Иванович [там же]; А меня в честь Есенина мать назвала, — тут же влез молодой [Кабаков 1990: 6]; Я увидел молодое лицо [Кабаков 1990: 13].

На периферии возрастной шкалы находится старость, что эксплицируется лексемой «старик» и «немолодой». Старость — характеристика второстепенных, эпизодических персонажей.

Посередине танцевал немолодой человек [Кабаков 1990: 33]; Старик раскрыл глаза, сел [Кабаков 1990: 34]; Сварливый голос в сущности уже довольно беззлобно-го вдового старика [Кабаков 1990: 4]; Старик же для меня давно не представлял никакой власти [там же].

СУБЪЕКТИВНОЕ ВРЕМЯ

Иную сторону отношения человека (автора, читателя и персонажей) со временем представляет то, что составляет действительность субъекта изображения. Субъективное время — это категория индивидуального человеческого восприятия, отражение в сознании индивидуума объективной длительности, последовательности и скорости процессов, в художественном тексте связано с осмыслением и оценкой героями чувственного восприятия событий, совершающихся во времени. Ощущение героями течения времени, его ускорения, замедления или даже остановки на мгновение определяют такие свойства субъективного времени, как дискретность, неоднородность, способность двигаться в любую сторону. По словам С.Б. Аюповой, субъективное время «может быть представлено памятью как вместилищем прошлого, созерцанием как аналогом настоящего и воображением как заменителем будущего» [Аюпова 2012: 668].

Лексико-семантическим ядро субъективного психического времени составляют ментальные глаголы. Такое время в романе ретроспективно, герой обращается к своей памяти:

Я вспомнил, как когда-то, давным-давно, а если точнее — ровно десять лет назад — я уже шел по ночной Тверской... [Кабаков 1990: 10]; Мне приснились эти судки, и блюда, и что-то жареное, горячее, и обжигающий глоток водки, и запах кофе, и гости, входящие без оружия, нарядные гости в целой одежде... [Кабаков 1990: 10]; Я вспомнил, что в этом подъезде жила некогда знаменитая певица, здесь всегда толпились безумные поклонники [Кабаков 1990: 14]; А в заказе чего только не было — кажется, даже мясо... Или масло... уже не помню [Кабаков 1990: 10]; Сколько уже видел я их, этих южных красавиц [Кабаков 1990: 11]; А однажды утром я видел, как красная кирпичная пыль, выдуваемая июньским ветром, ложилась на мертвеца [Кабаков 1990: 14]; Сколько уже слышал я этих историй [Кабаков 1990: 14].

Субъективное восприятие времени героем неравномерно, на него влияют условия, в которых «героическое» сознание протагониста может или не может получить развитие. Так, в относительно безопасном пространстве «шикарного ночного кабака» время сжато, событийные подробности опущены. В моменты опасности воспринимаемое время замедляется, сознание героя фиксирует любые мелочи, движения и события замедлены.

Подробность «опасного» времени необходима герою для реализации потенций, для перехода собственных границ, о чем говорил М.Ю. Лотман [Лотман 1997].

В тексте «замедленность» эксплицируется синтаксически — выстраиванием сложноподчиненных предложений с обилием знаков препинания:

Я успел запомнить, что правой рукой все еще намертво цепляюсь за рукав ее пальто... Я успел почувствовать, что ни на меня, ни на женщину люди почти не наступали: их движение уже не было столь общим, ровным стремлением к поворотне, они уже топтались на месте, разворачивались, и мы оказались в мертвой зоне, быстро пустевшей зоне между убивавшими и убиваемыми... И я успел заметить самое главное: двое с шапками не смотрят вниз, они смотрят на толпу прямо перед собой, и тот, что уже зарезал одного, медленно встряхивает, встряхивает клинок, отбрасывая с него слишком медленно стекающую кровь, и ищет, ищет в толпе следующего, а второй еще не совсем готов и держит шапку — вверх острием, и стоит неустойчиво... [Кабаков 1990: 27—28].

Автором «Невозвращенца» в полной мере реализуется мысль П.А. Флоренского относительно описания времени в художественном тексте: «Непрерывно текущее однородное время не способно дать ритм. Последний предполагает пульсацию, сгущение и разрежение, замедление и ускорение, шаги и остановки. Следовательно, изобразительные средства, дающие ритм, должны иметь в себе некоторую расчлененность, одними своими элементами задерживающую внимание и глаз, другими же, промежуточными, продвигающую то и другое от элемента к другому» [Флоренский 1992: 232—233].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ материала позволяет сделать некоторые обобщения.

◆ Категории времени в художественном тексте обладает особой комплексной, многослойной, иерархически организованной структурой, включающей в себя, с одной стороны, сложноорганизованные взаимосвязанные семантические поля темпоральности, с другой стороны — прагматические отношения, основанные на авторских установках и читательской интерпретации.

◆ Текстово-семантические поля художественного времени репрезентуются языковыми средствами разных уровней, прежде всего — лексического и синтаксического. Они отличаются распространенной структурой, уникальной для каждого художественного текста.

◆ При рассмотрении прагматики художественного текста на первый план выходит его структурная организация, которая не формальна, но реализует авторские установки, а также контексты создания произведения — культурные, философские, историко-социальные.

♦ Семантика и прагматика, как два измерения семиотики, в художественном тексте — разграничиваются, но соотносятся: категория времени получает в произведении и языковые и внеязыковые значения, таким образом, можно говорить о том, что время в тексте шире чем время в языке.

♦ Представляется, что именно семиотический подход (рассмотрение и семантики, и прагматики текста, их соотношение и взаимодействие) позволяет расширить возможности анализа такой сложной категории, как время, и выявить связи исследований языка с иными формами интеллектуальной и духовной деятельности человека. Рассматривая филологические, философские, культурологические и социально-исторические коннотации, исследователь получает возможность добиться полноты и подлинности анализа, раскрыть и интерпретировать все заложенные в тексте смыслы.

© Повалко П.Ю.

Дата поступления: 24.12.2017

Дата приема к печати: 26.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Аюпова С.Б.* Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): дисс. ... доктора филол. наук. Уфа, 2012.
2. *Барз М.А.* Категории и методы исторической науки. М.: Изд-во «Наука», 1984.
3. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234—407.
4. *Булаховский Л.А.* Исторический комментарий к русскому литературному языку. М., 1975.
5. *Земская Е.А.* Новояз, new speak? Nowomowa...Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000. С. 19—25.
6. *Кабакоев А.* Невозвращенец. М.: Издательство «Вариант», 1990.
7. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта: Наука, 2008.
8. *Ланин Б.А.* Анатомия литературной антиутопии // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 154—163.
9. *Лотман Ю.М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 621—658.
10. *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 158—162.
11. *Маслов Ю.С.* Время // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
12. *Папина А.Ф.* Текст: его единицы и глобальные категории. М.: Едиториал УРСС, 2002.
13. *Потапова Т.В.* Диахрония категории времени глагола (на материале русского языка и языков разных систем): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
14. *Романенко А.П.* Советская словесная культура: образ риторика. М.: Едиториал УРСС, 2003.
15. *Флоренский П.А.* Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993.
16. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира: Пространство. Время. Восприятие. М.: Гнозис, 1994.

УДК: 81'42:81'22:821.161.1-31

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248

**THE STRUCTURE OF THE SEMIOTIC CATEGORY
OF TIME IN A LITERARY TEXT
(Based on Novel “The Defector
(Nevozvrashchenets)” by A. Kabakov)**

Polina Yu. Povalko

RUDN University

Miklukho-Maklaya str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198

Abstract. The article considers time as the most important semiotic and linguopoetical category of a literary text. The text of A. Kabakov's novel “The Defector (Nevozvrashchenets)” is used to analyse the structure of the temporal category in its semiotic dimensions, namely semantics and pragmatics. It is shown that the contents of semantic fields, which reflect the category of time in the novel, the intersection and interplay between these fields and pragmatic relations based on author's attitudes and reader's interpretation, establish a multi-layered, hierarchical structure of temporality in the fictional text.

Moreover, the semantics of fictional time is primarily explained by lexico-grammatical and syntactic linguistic units, while, in terms of pragmatics, the crucial modes of expression are the text organization and the context of the author's intention and the reader's perception. Thus, it is emphasized that the time within fictional text is broader than the time in the language.

The results of the text analysis demonstrate how important it is to examine fictional texts from the semiotic viewpoint. It appears that a simultaneous considering of semantics and pragmatics of a text and their correlation and interaction permits us to go beyond the “narrow” grammatical opinion when analysing such a complex text category as the time. Taking in consideration linguistic, philosophical, cultural and socio-historical contexts, the researcher expands the boundaries of analysis, increases its authenticity and obtains an opportunity to disclose and interpret all the meanings embedded by the author.

Key words: semantics, pragmatics, time category, literary text, semiotic method

REFERENCES

1. Ayupova, S.B. (2012). Time and space categories in the Language Literary World View (based on the prose of I.S. Turgenev); [dissertation]. Ufa. (in Russ.).
2. Barg, M.A. (1984). Categories and methods of historical science. Moscow: Nauka. (in Russ.).
3. Bakhtin, M.M. (1975). Forms of time and of the chronotope in the novel. *Questions of Literature and Aesthetics*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. pp. 234—407. (In Russ.).
4. Bulahovskij, L.A. (1975). A Historical Commentary to the Literary Russian Language. Moscow: Vysshaja shkola. (In Russ.).
5. Zemskaya, E.A. (2000). Novoyaz, new speak? Nowomowa... What's next? E.A. Zemskaya (editor) *Russian language of the end of XX century (1985—1995)*. Moscow. 19—25. (In Russ.).
6. Kabakov A. (1990). The defector (Nevozvrashchenets). Moscow: Variant (In Russ.).
7. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskij, V.A. (2008). The Russian Language Stylistics. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russ.).
8. Lanin, B.A. (1993). Anatomy of literature dystopia, *Social sciences and contemporary world*, 5. pp. 154—163. (In Russ.).
9. Lotman, Yu.M. (1997). Artistic Space in Gogol's Prose. Yu. Lotman. *Russian Literature*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 621—658. (In Russ.).
10. Lotman, Yu.M. (2002). The Semiotics of Culture and the Concept of a Text. In *History and Typology of the Russian Culture*. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB. pp. 158—162. (In Russ.).

11. Maslov, Yu.S. (1990). Time. In Yartseva V.N. (editor) Linguistic encyclopaedically dictionary. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. (In Russ.).
12. Papina, A.F. (2002). Text its unity and global categories Tutorial. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
13. Potapova, T.V. (2009) Diachrony of the verb's time category (on the material of the Russian language and languages of different systems): *Extended abstract of candidate's thesis*. Rostov-na-Donu. (In Russ.).
14. Romanenko, A.P. (2003). Soviet verbal culture: rhetorician image. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.).
15. Florensky, P.A. (1993). Analysis of spatiality and time in pictorial works. Moscow: Progress. (In Russ.).
16. Yakovleva, E.S. (1994). Fragments of Russian Language Outlook of the World: Space. Time. Perception. Moscow: Gnosis. (In Russ.).

Для цитирования:

Повалко П.Ю. Структура семиотической категории времени в художественном тексте (на материале романа А. Кабакова «Невозвращенец») // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2017. Т. 8. № 4. С. 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

For citation:

Povalko, P.Yu. (2017). The structure of the semiotic category of time in a literary text (based on novel “The defector (Nevozvrashchenets)” by A. Kabakov). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

Polina Yu. Povalko, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1237—1248. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1237-1248.

Сведения об авторе:

Повалко Полина Юрьевна, ассистент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета РУДН; *научные интересы:* когнитивная лингвистика, семиотика, филологическая герменевтика, анализ художественного текста; *e-mail:* Polina.povalko@gmail.com

Bio Note:

Povalko Polina Yurievna, Assistant of the General and Russian Linguistics Department the Faculty of Philology, RUDN University, Moscow; *Interests:* semiotics, cognitive linguistics, philological hermeneutics, text analysis; *e-mail:* Polina.povalko@gmail.com